

О БУЛГАКОВЫХ А. С. и Т. Н. — в НКВД

БУЛГАКОВ Александр Сергеевич, родился в 1888 в Санкт-Петербурге. В 1930-х — работал помощником директора театральной библиотеки им Луначарского. 15 марта 1935 — арестован в Ленинграде.

БУЛГАКОВА Татьяна Николаевна, родилась в 1898. Окончила гимназию, училась в Политехническом институте, с 1918 — работала машинисткой в Государственной Публичной Библиотеке.

20 марта 1935 — выслан с женой из Ленинграда в Куйбышев на 3 года. В октябре 1936 — в особое Совецание при НКВД было передано заявление его жены, Татьяны Николаевны Булгаковой, копию его она переслала в ПКК.

<23 октября 1936>

«В Особое Совецание при НКВД

Административно-ссылной
БУЛГАКОВОЙ Татьяны Николаевны

ЗАЯВЛЕНИЕ

Постановлением Особого Совецания при НКВД 20 марта 1935 г был выслан из Ленинграда в Куйбышев мой муж БУЛГАКОВ Александр Сергеевич и вместе с ним была выслана и я.

Прошу о пересмотре моего дела, хотя даже не знаю — рассматриваюсь ли я в этом вопросе самостоятельно или являюсь чем-то вроде бесплатного приложения к мужу.

Биография моя очень проста: я — дочь купца, родилась в 1898 г<оду>. До 1918 г<ода> училась — сначала в гимназии, затем в Политехническом институте. С 1918 г<ода> работала все время до момента высылки с перерывом всего в 1½ года после рождения ребенка. Последние 10 лет (1925-35 г<одах>) работала непрерывно в Государственной Публичной Библиотеке (Ленинград, ул<ица> 3-го Июля, 18) в должности иностранной машинистки и машинистки секретной части. Всегда работала добросовестно, во всякую получаемую мне работу вкладывала все свои знания и силы. Через 1½ месяца после приезда в Куйбышев поступила работать на местный Станкостроительный завод, где работаю и по настоящее время.

Твердо и честно могу заявить, что ничем и никогда сов<етской> власти не вредила, даже хотя бы по линии выражения неудовольствия по мелким бытовым вопросам, склонностью к шептанию из-за угла и "анекдотам" никогда не отличалась. Под судом никогда не была и, вообще, никаким взысканиям не подвергалась.

Принимая во внимание то, что муж мой до сих пор постоянной работы не имеет, а также и то, что состав нашей семьи (сын 12 лет и мать мужа — безрукий инвалид) — мало удачен для такой перемены обстановки — понятно, что высылка главной своей тяжестью легла на меня. Все это плюс климат Куйбышева за эти 1 г<од> 3 мес<яца> настолько подорвало мое здоровье, что в 37 лет я дошла до полуинвалидного состояния.

Казалось бы, что всякая мера взыскания, помимо карательного, должна содержать и элементы воспитательные. Я не знаю, какие цели преследовала мера, примененная к нам. Практически же получилось, что, подорвав мое здоровье физически, она не способствовала и нравственному оздоровлению, если такое по каким-то мне непонятным причинам считалось для меня желательным. Мы сидим буквально, как лягушки в болоте. Передовая часть куйбышевцев относится к нам

"осторожно". Та же часть населения, с которой нам приходится больше всего иметь дела по жилищным условиям (большинство ленинградцев вынуждено селиться на окраинах города в поселках с частновладельческими домами), в массе своей мелкособственнические элементы, зачастую с хулиганско-спекулянтским уклоном, беспробудно к тому же пьянствующие. Повлиять благоприятно на них мы, в силу своего положения, не можем, т<ак> к<ак> сейчас же получаем в ответ: "Уж не вам нас учить, не забудьте кто вы", — как нам заявил вечно пьяный хозяин дома, где нам пришлось занимать помещение.

Таким образом, у нас нет нормальной здоровой среды, нет нормальных, живых интересов. Мы опять возвращаемся к единственно доступному для нас обществу — тем же высланным ленинградцам, большинство которых к настоящему моменту почти в неменяемом состоянии, потеряв последнее равновесие со времени освобождения молодежи. С этого времени мы живем в кругу всевозможных слухов и предположений относительно своей дальнейшей судьбы. Из всего указанного, Вам понятно — в какой нездоровой атмосфере мы живем.

Неудивительно поэтому, что жизнь в таких условиях (я уже не говорю о материальных лишениях) с каждым днем уносит остатки бодрости. И я пишу сейчас, пока не впала в состояние полного безразличия.

Я честно работала 18 лет, т<о> е<сть> с 19-летнего возраста. Будучи хорошей работницей, я несомненно внесла свою долю в соц<иалистическое> строительство страны. Со всей еще оставшейся во мне энергией и с полным сознанием не заслуженности мною ссылки — я протестую против нее и против своего несправедливого положения — прикрепления к Куйбышеву и лишения паспорта с обязательством являться на регистрацию в НКВД. Прошу о реабилитации

Т. Булгакова.

Август 1936 г<ода>.

Адрес: г<ород> Куйбышев

Куйбышевской ж<елезной> д<ороги>.

4-й Молоканский сад, Касинская ул., № 8

Т. Н. БУЛГАКОВА.

Заявление это, написанное еще в августе месяце, осталось неотправленным до сих пор, ввиду моего заболевания. Ко всему ранее сказанному могу только прибавить, что мое материальное положение достаточно тяжелое и тогда, сейчас же прямо катастрофично. Пока я начала оправляться от болезни (грипп с осложнением на сердце), как заболел тифом муж. Он не имел постоянной работы и до болезни, но сейчас отпала и надежда на какую-либо работу для него в течении продолжительного времени. Все это заставляет меня тем убедительнее просить о пересмотре дела. Мы буквально гибнем. Вместе с тем считаю необходимым подчеркнуть, что и для высылки мужа никаких причин, кроме формальных (происхождение и т<ак> д<алее>), нам не известно.

23/Х – 1936 г<ода>»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1475. С. 106-108. Автограф.